

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ: СИМВОЛИКА И СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме реконструкции социальной структуры населения Верхнего Прикамья эпохи раннего Средневековья. В ней представлены результаты статистико-комбинаторного анализа материала погребальных памятников на социоинформативность. Интерпретация моделей социальных страт проводится с привлечением методологического арсенала культурологии, этнографии и истории. Автор пытается связать реальную роль общественных групп с ее ритуально-мифологическим выражением.

Одна из актуальных проблем археологии Камско-Вятского региона — проблема реконструкции социальной истории предков современного удмуртского и коми-пермяцкого народов в процессе их этнокультурного формирования. В связи с отсутствием письменных источников, связанных с раннесредневековым населением региона, материалы археологических исследований служат основным эмпирическим фундаментом всех этнических и социологических реконструкций. Их изучение требует комплексного подхода с привлечением результатов и методов разных наук. В этом смысле большое значение имеет определение предметного поля и задач каждой из вспомогательных для археологического исследования дисциплин в области конкретной социальной реконструкции. Данная работа — это попытка связать результаты формального анализа материалов прикамских могильников с интерпретативными возможностями культурологии, данными этнографии и истории.

По общепринятому в российской археологии мнению наиболее информативным источником для реконструкции социальной структуры общества являются погребальные памятники. Их гносеологический статус был исследован рядом археологов петербургской и московской школ (В. Н. Массоном, 1976, 1996; В. А. Алекшиным, 1976, 1981; В. И. Мельником, 1993 и др.)¹. Как показал В.С. Ольховский², социальная структура представляет собой макросистему, состоящую из многих микросистем, функционирующих одновременно. В опосредованном мифологической традицией виде они отражаются в обычаях и ритуалах в виде материально фиксируемого результата. Важной задачей исследователя в этом случае является перевод социальных понятий на «язык» археологии и создание теории опредмечивания социальной жизни с учетом культурно-исторического своеобразия каждого народа.

Для исследования были выбраны наиболее изученные и репрезентативные памятники неволинской культуры (Бродовский, Неволинский и Верх-Саинские могильники), а также Варнинский могильник полумской культуры, содержащие большое число погребений с богатыми вещевыми комплексами. Многие погребения имеют антропологические определения пола и возраста умерших индивидов, разработана хронология погребальных комплексов, что является очень важным в условиях полиэтничности прикамского региона.

Формальная реконструкция социальных страт на материале верхнекамских некрополей была проведена автором статьи методом статистико-комбинаторного анализа В. Ф. Генинга — В. А. Борзунова³. Формализованно-статистические операции позволили упорядочить эмпирический материал погребального памятника и на его основе выявить факт наличия, динамику количественного состава и степень поляризации социальных групп (страт)⁴.

Однако только с помощью методов математической статистики невозможно объяснить взаимосвязь тех или иных элементов погребального обряда с отображаемым ими социальным явлением. Разрешить противоречия в соотношении эмпирического и теоретического уровней исследования, реального и идеального в самом погребальном обряде может помочь культурология, что соответствует ее статусу интегративной науки. Культурологическое осмысление результатов формально-типологического анализа подразумевает:

1) констатацию парадоксов в погребальном памятнике и его структурных элементах, не объяснимых в рамках рациональной парадигмы современного сознания или противоречащих традиционной логике исследования;

2) культурно-историческое сравнение феноменов и артефактов, выявленных и сконструированных в процессе реконструкции, с известными обычаями и идеальными основаниями мировоззрения изучаемого народа;

3) поиск внешних и внутренних факторов (политических, этнических, экономических), которые в конкретное историческое время могли оказывать влияние на состояние социокультурной реальности;

4) исследование мировоззренческих основ погребальной обрядности, обеспечивавших жизнеспособность данной культуре;

5) объяснение семиотического значения вещей и материально фиксируемых результатов погребального ритуала.

Все это позволило бы произвести объективную социальную интерпретацию разных типов погребений и связать реальную роль социальных страт с ее ритуально-мифологическим выражением.

Первоначальный список признаков погребального обряда составлялся на основе работ В. Ф. Генинга, И. С. Каменецкого, Г. Е. Афанасьева и др. Он включал следующие категории: размеры и сложность погребальных сооружений (грунтовые или курганные); ориентировка могил и курганов; положение покойного в пределах погребального сооружения, биологические характеристики погребенных; погребальный инвентарь и жертвенные комплексы. Однако культурологическая проблематизация материала верхнекамских могильников уже на первом этапе социальной реконструкции — формировании социозначимых артефактов — обнаружила противоречия, связанные с культурно-историческими условиями их формирования.

Время создания и функционирования могильников охватывает длительный хронологический период, сопровождавшийся многочисленными межэтническими контактами и миграциями. Подобные процессы, как показывает история, приводят часто к разложению традиционных общественных отношений и возникновению у разных народов новых социальных групп. Однако материал исследуемых могильников Прикамья, на первый взгляд, демонстрирует определенную одно-

родность структурных элементов погребального памятника как традиционно-бытового объекта⁵. Это ведет к логическому заключению об однородности самого социума. Кроме того, отсутствие ярко выраженных надмогильных сооружений в VII–IX вв., метрических характеристик курганов IV–VI вв., простота устройства погребальных сооружений на протяжении всего времени существования могильников снижают значимость принципа трудовых затрат, традиционно использовавшегося многими исследователями для социальной интерпретации погребений (В. Н. Массоном, 1976; В. Ф. Генингом, 1984, 1988; Е. П. Бунятян, 1985 и др.)⁶. В этом случае основания для систематизации и классификации признаков погребального обряда могут быть сформулированы на основании принципа символического детерминизма с привлечением этнографических данных, восстанавливающих церемониал погребения.

По сведениям этнографов, изучавших погребальный обряд удмуртов XVI–XIX вв., кладбище представляло собой антипод деревни. Членов патронимий хоронили в одном ряду. Изучение планиграфии исследуемых могильников свидетельствует о древности данного представления. В VI–IX вв. могилы также располагались рядами от 4 до 14 погребений в каждом. Ямы выкапывали узкие и длинные. Как отмечает Н. И. Шутова, «существовало поверье, что ноги покойного не должны касаться крышки гроба, а гроб — стенки могильной ямы, иначе на «том свете» жить буде тесно»⁷. Для женщин могилы копали до уровня груди, а для мужчин — до пояса.

Сравнительная характеристика размеров погребений верхнекамских могильников в зависимости от характеристик пола и возраста также показала их взаимосвязь с возрастом, а длины и глубины могил — с полом умерших. Самые длинные и глубокие погребения принадлежали мужчинам.

Погребальные сооружения представляли собой прямоугольные ямы. При ингумации умерших накрывали берестой (береза — священное дерево пермян) или клали их на подстилку из досок. Остатки деревянных конструкций и покрытий сохранились в могильниках IV–IX вв. очень плохо, что не позволяет учитывать данный признак при формальном анализе.

По мнению И. Н. Смирнова, «удмурты смотрели на смерть как на переход в иную жизнь, где человек сохраняет свою природу, привычки и обстановку»⁸. Следовательно, именно погребальный инвентарь мог символизировать реальную социальную роль индивида. Так как погребальные комплексы мало отличаются по видам погребального имущества, традиционно использовавшиеся исследователями артефакты «укрупняются» путем введения дополнительных характеристик, связанных с символикой пространства, числа и свойств отдельных материалов (учитывалось количество вещей одного вида в могиле, их месторасположение относительно погребенного, материал изготовления).

Подсчет относительного распределения признаков по хронологическим выборкам показал непригодность некоторых из них для статистического анализа. В число их попали редко или единично встречающиеся вещи, которые, на взгляд автора, могли иметь высокий семиотический статус (зеркала, раковины каури, пинцеты, жемчужное ожерелье, золотые маски и т. п.), несмотря на свою ничтожность для статистики. Случайный характер этих признаков мог быть обусловлен,

во-первых, малым объемом выборки относительно генеральной совокупности, во-вторых, социальным фактором. В последнем случае, возможно, что разные вещи имели один социокультурный смысл, выражающий стремление к индивидуализации лиц, чьи могилы они сопровождают. В традиционных культурах, где алгоритм поведения членов общества единообразен и строго определен традицией, выявление признаков проявления индивидуализма бывает доказательством определенной стратифицированности социума. Поэтому, чтобы случайные признаки стали значимыми для статистического анализа, вещи — символы стремления к проявлению индивидуальности — объединены в единый конструкт — уникальные предметы.

Второй этап социальных реконструкций — исследование взаимосвязи признаков, сформированных на предыдущем этапе, с биологическими характеристиками умерших и хронологической принадлежностью погребений. Половозрастная дифференциация, по общепринятому в исторической науке мнению, представляет собой наиболее древнюю социальную структуру. Однако, несмотря на то, что погребальный обряд — это часть культурной традиции, наиболее консервативной, как свидетельствуют этнографические данные, признаки погребального обряда продемонстрировали наибольшую зависимость именно от хронологической принадлежности погребений⁹. Объяснение этому факту можно дать лишь в контексте конкретно-исторической ситуации, сложившейся в период функционирования некрополей. Она характеризовалась бурными миграционными и военно-политическими контактами на территории Восточной Европы, которые привели к возникновению в Прикамье ко второй половине I тыс. н. э. качественно новых объединений, составивших основу исторически известных приуральских народов.

Миграционные контакты, процессы интеграции и ассимиляции народов Приуралья, исследованные Р. Д. Голдиной, М. И. Ивановой и др., на мой взгляд, условно можно подразделить на три хронологических этапа:

1) возникновение новых археологических культур в VI в. на территории бассейнов рек Сылвы, Чепцы под влиянием народов западно-сибирского происхождения;

2) конец VII — середина VIII в. — ослабление влияния иранского мира и проникновение угорских и тюркоязычных групп протовенгров и ранних болгар;

3) IX в. — формирование в новой этнополитической ситуации государства Волжская Булгария и угасание неволинской и других финно-пермских культур.

Межэтнические взаимодействия повлияли на изменения погребальных обычаев. Перемены могли быть обусловлены, во-первых, доминированием разных этносов, участвовавших в этногенезе прикамского народа на том или ином периоде функционирования некрополей, а, во-вторых, повышением социальной роли определенных групп в разные периоды времени.

В результате исследования было реконструировано трехструктурное строение древнепермского социума IV–IX вв., что соответствует трихотомической модели мира удмуртов и пермян, структурообразующим началом которой был сам человек¹⁰.

Погребения всех трех массивов распались на три основные группы и группу безынвентарных захоронений. Они отличались, в первую очередь, количеством

и ассортиментом погребального инвентаря, а в некоторых случаях размерами могил. Исходя из положения об отражении прижизненного социального статуса умершего в обряде погребения, неоднократно обоснованного в отечественных и зарубежных исследованиях¹¹, группы были определены как социальные страты (социальные слои), отличающиеся по профессионально-ранговому и имущественному положению. Среди них выделяются малоимущая часть рядовых общинников, для которых военная деятельность не являлась основной, верхушка общества (военные предводители) и общинники среднего достатка, занимавшие вторую ступень в военной иерархии. В среде рядовых общинников среднего достатка выделилось две социальные группы, а среди малоимущего населения — три. Границы между ними нечеткие, расплывчатые, что, вероятно, свидетельствует об имущественной мобильности их представителей в пределах одной социальной страты, а также о роли возрастного и связанного с ним семейно-брачного фактора, вызывавших соответствующие различия.

Становление некоего стереотипа погребального обряда происходило, по видимому, в IV–VI вв. В это время шел процесс формирования культуры. Нестабильность политической жизни, связанная с проникновением в Прикамье народов западносибирского происхождения, обуславливала неустойчивость социальной системы. Это нашло отражение в обряде захоронения, не имевшем ярко выраженной дифференциации. В социальной структуре на данном этапе преобладают погребения первой социальной группы с минимальным набором вещей и отсутствием наиболее значимых, с позиции престижности предметов: оружия в могилах мужчин; многих видов украшений в погребениях женщин (серебряных монет, перстней, ожерелий, гривен, привесок). Погребения ее представителей составляли 72 % в выборке. В могилах рядовых общинников можно обнаружить лишь самые необходимые предметы, являвшиеся неотъемлемыми элементами общекультурной традиции погребения — необходимыми символами потустороннего благополучия покойника, вне зависимости от его принадлежности к какой-либо социальной страте. Это — керамические сосуды, ножи, удила, бытовые предметы, 1–3 вида украшений в погребениях женщин (бусы, пронизки, подвески, пряжки, редко — браслеты). Сопровождение покойников данными видами инвентаря сохраняется в погребальном обряде удмуртов вплоть до этнографической современности.

Необходимо отметить, что погребения этого периода оказались наиболее дифференцированными по признакам, отражающим трудовые затраты на сооружение погребения (курганы и размеры могил). Маркерами социальной страты военных предводителей (5,6 % от всех погребений) здесь являются, прежде всего, размеры могил, превышавшие норму (глубина могил 69–87 см; длина — 158–199, ширина — 73–102 см), сформировавшуюся у неволинцев к VI в. Характерный набор вещей — клинок и костяные наконечники стрел. Женские захоронения третьей страты (6,5 %) маркируются также длиной и глубиной могил выше нормы и наличием золотых подвесок в некоторых из них. Погребения зажиточных общинников, если таковые и были, никак не фиксируются на материале могильника. В IV–VI вв., по сравнению с другими хронологическими периодами, самый большой удельный вес безынвентарных могил. В целом по количеству предметов в могиле погребения этого периода практически не отличаются.

В VII–IX вв. специфика групп, наоборот, отражается, в первую очередь, в ассортименте и количестве сопровождающего набора вещей и в разнообразии ориентировки могил и костяков. Как показал сравнительный анализ могильников, ориентировка погребений и умерших по сторонам света оказались признаками этнокультурного характера, как и курганный обряд захоронения¹².

В VII–VIII вв. появляется группа захоронений с полным набором известного на могильниках оружия. Их погребения составляли 23 % от всех мужских захоронений. Можно предположить, что именно миграции в конце VII — начале VIII в. угорских и тюркоязычных групп протовенгров и ранних болгар привели к повышению роли этой социальной группы. В VII–VIII вв. наблюдается наиболее жесткое воплощение стереотипа погребального комплекса (однообразие размеров могильных ям, полное исчезновение курганного обряда захоронения, преобладание погребений с четкой ориентацией могил по сторонам света).

В VIII в., по сравнению с другими хронологическими периодами, самый высокий удельный вес погребений второй и третьей социальных страт (соответственно 43,8 и 8,6 %), представители которых похоронены с полным набором сопровождающего инвентаря, максимально воплощавшим представления о потребностях индивидов в потустороннем мире. Археологические индикаторы второй группы — это устойчивые, повторяющиеся признаки, составляющие основу погребальных традиций автохтонного населения Прикамья. Так коньковые привески в женских погребениях этой страты связаны с культом коня — символом женщины и посредником мира людей с водной стихией потустороннего мира¹³. Многие погребения женщин верхушки общества и части зажиточных общинников содержат монеты, в том числе серебряные. Как считает Н. И. Шутова, монеты бросались в могилу для того, чтобы купить место на том свете и жить там благополучно. Возможен и другой вариант, отмеченный исследовательницей, — монеты клали взамен снятых с умершего индивида украшений¹⁴. По-видимому, этим можно объяснить наличие в некоторых погребениях малоимущих общинников VII–VIII вв. монет в сочетании с одним-двумя другими предметами. Важнейшим атрибутом индивидов второй и третьей страт являлся пояс. Семантический статус пояса в костюме удмуртов определяла его связь с центром тела человека. Пояс наделялся охранительными свойствами; снимая его, человек выходил из социума. Пояс являлся средоточием жизненной силы, символизировал потенциал рождения. Таким образом, он мог свидетельствовать о возрастном статусе индивида, прошедшего инициацию, о его социальной зрелости. Пояс и топор являлись атрибутами воина-дружинника у многих народов (хазар, авар и др.)¹⁵. Устойчивое сочетание набора мужских захоронений второй страты: топор и наконечники стрел (до семи экз.), предметы для добывания огня, связанные с культом огня у древних и средневековых народов Прикамья.

Все редкие предметы, а именно: металлические котелки, остатки золотых и серебряных масок, зеркала, ткань с серебряными вставками и т. д. были обнаружены в могилах третьей группы. Наряду с различными мифологическим и практическим значениями они могли выражать один культурный смысл — стремление к индивидуализации отдельных представителей социума. В традиционных культурах, где алгоритм поведения членов общества единообразен и строго

определен традицией, выявление признаков проявления индивидуализма является доказательством определенной стратифицированности социума. Отклонения в размерах могил в сторону их максимальных параметров свидетельствуют об особом отношении к захороненным индивидам со стороны социума. Сабли, сочетающиеся с другим оружием, маркируют высокое положение их обладателей в военной иерархии.

Характерной чертой погребений высшей социальной страты в VIII–IX вв. является некий переизбыток в них предметов, необходимых для реализации ритуала погребения. Так, все виды украшений в погребениях женщин найдены в максимальном количестве. Украшения (подвески, браслеты, бусы) встречались и в захоронениях мужчин. Число наконечников стрел превышало семь экземпляров (7 — сакральное число в удмуртской мифологии)¹⁶. Мужские захоронения нередко содержали по два пояса. Перечисленные предметы являлись предметами импорта и экспорта пермян, осваивавших в это время Волго-Балтийский торговый путь¹⁷. Поэтому погребения третьей группы принадлежали лицам, которые помимо военного руководства являлись активными участниками, а скорее всего, и организаторами торговли общин. Это, очевидно, приводило к концентрации в их руках престижных ценностей и выделению органов управления на плутократической основе.

Вывод об угасании неволинской культуры в IX в. в связи с новой этнополитической ситуацией и появлением на исторической арене государства Волжская Булгария, также подтверждается результатами сравнительного и социального анализа. Наблюдается неопределенность в составе, неустойчивое положение элементов погребального комплекса. Уменьшение ассортимента погребального инвентаря в IX в., по сравнению с VIII, отсутствие новых элементов свидетельствуют о консервации погребальных традиций в этот период. Возврат же к некоторым обычаям более раннего периода, например, западной ориентировке костяков, может свидетельствовать о стремлении социума сохранить свою культурную идентичность в условиях активного контакта с другими этническими группами. Удельный вес погребений верхушки общества и общинников среднего достатка также несколько возрастает по сравнению с предшествующим периодом (соответственно, 11,6 и 46,9 %).

Таким образом, однородность погребального инвентаря и устройства могил не позволяет выявить достоверных специфических признаков «богатства» и маркеров статусных позиций в социальной структуре как категории особых престижных предметов или признаков неординарности в погребальном сооружении. Доказательством стратифицированности раннесредневекового общества Верхнего Прикамья является разная степень следования мифологической традиции погребения отдельных социальных групп в зависимости от времени и исторической ситуации. Нормы данной традиции формируются на протяжении всего времени функционирования могильников. Расцвет прикамских культур в VIII в. приводит к тому, что зажиточные общинники в этот период осуществляют похороны представителей своей группы в полном соответствии со всеми требованиями традиции и погребальных обычаев. Погребения верхушки профессионально-ранговой и потестарной структур VIII в. (третья группа) маркируются, прежде всего, неко-

торым превышением нормы ассортимента традиционных категорий погребального инвентаря и норм размеров могил.

В целом в становлении основных черт социальной структуры верхнекамского населения во второй половине I тыс. н. э. отражаются в первую очередь, общие мифологические основания и структурирующие идеи финноязычных этнических образований эпохи средневековья. Их развитие происходит в связи с этнической консолидацией и необходимостью отстаивать свою этнокультурную идентичность в условиях сложных миграционных и политических процессов.

Примечания

- ¹ См. об этом: *Ковтун С. П.* Реконструкция социальной структуры населения Верхнего Прикамья второй половины I тыс. н. э. (по материалам могильников): Моногр. Ижевск: Изд-во ИжГТУ. 2006. С. 41–47.
- ² См.: *Ольховский В. С.* Погребальная обрядность и социологические реконструкции // *Рос. археология.* 1995. № 1. С. 85–99.
- ³ См.: *Генинг В. Ф.* Методика статистической обработки, характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // *ВАУ.* 1975. Вып. 13. С. 42–72.
- ⁴ Основные этапы статистико-комбинаторного анализа материала верхнекамских могильников, результаты формального исследования были подробно описаны и опубликованы автором ранее. См.: *Ковтун С. П.* Указ. соч.
- ⁵ О структуре погребального памятника см.: *Мельник В. И.* Погребальный обычай и погребальный памятник // *Рос. археология.* М., 1993. № 1. С. 95–96.
- ⁶ Принцип трудовых затрат был сформулирован В. Н. Массоном. См.: *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976. С. 149–150.
- ⁷ *Шутова Н. И.* Погребальный обряд удмуртов XVI–XIX вв. // *Материалы по погребальному обряду удмуртов.* Ижевск, 1990. С. 21.
- ⁸ Цит. по: *Шутова Н. И.* Указ. соч. С. 23.
- ⁹ См.: *Ковтун С. П.* Указ. соч. С. 69–82.
- ¹⁰ См.: *Владыкин В. Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. С. 65.
- ¹¹ Например: *Массон В. Н.* Указ. соч.; *Добролюбский А. О.* О принципах социологической реконструкции по данным погребального обряда // *Теория и методы археологических исследований:* Сб. науч. тр. Киев, 1987. С. 107–117; *Saxe A.* Social Dimensions of Mortuary Practices in a Mesolithic Population from Wadi Halfa // *Memoirs of the Society for American Archeology.* 1971. № 25. P. 39–57; *Binford L. R.* Mortuary Practices: Their Study and Their Potential // *Memoirs of the Society for American Archaeology.* 1971. № 25. P. 6–29.
- ¹² См.: *Ковтун С. П., Нелюбина И. В.* Сравнительный анализ погребального обряда могильников неволинской культуры как первый этап социального исследования: задачи формализации данных с помощью ЭВМ // *Вестн. ИжГТУ: период. науч.-теорет. журн. Ижев. гос. техн. ун-та.* 2006. Спецвып. № 1. С. 26, 28.
- ¹³ См.: *Владыкин В. Е.* Указ. соч. С. 89, 93.
- ¹⁴ См.: *Шутова Н. И.* Указ. соч. С. 23.
- ¹⁵ См.: *Плетнева С. А.* Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности // *Рос. археология.* 1993. № 4. С. 167.
- ¹⁶ См.: *Владыкин В. Е.* Указ. соч. С. 66.
- ¹⁷ См.: *Голдина Р. Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999. С. 91.